

распространения рунического письма. Вероятно, знаки надписи на палочке и знаки чувашской вышивки в определенный период развития письма имели какую-то общую основу. Знаки узоров сходны также с древнеболгарскими и древневенгерскими знаками руны, обнаруживают параллели в аршакидской пехлеви. В «узорах письма» немало знаков, характерных для памятников Причерноморья. Имеются в них буквы и древнегреческого письма. По своим формам знаки вышивки повторяют буквы надписей на произведениях из твердого материала, что свидетельствует об их общности и о возможности включения знаков как первой формы творчества, так и второй в один структурный ряд — в один алфавитный порядок.

АЛФАВИТ. ДЕШИФРОВКА НАДПИСЕЙ

Любая из систем письма имеет определенное количество знаков. Изучение ряда памятников — антропоморфных надгробных камней, вышивочных «узоров письма», литой медной детали нагрудного женского украшения шулкеме — позволило выяснить, что число знаков древней чувашской письменности доходит до 35—36. Примерно такое же количество букв имеет и алфавит древнего классического рунического письма. По расположению и количеству, по начертаниям, фонетическим значениям, наличию лигатурной формы знаки чувашских памятников входят в общую систему рунического письма восточного типа, к которому относятся письменности Средней Азии, Орхона и Енисея, Северного Кавказа, Причерноморья, Болгарии и Венгрии. Приблизительно одинаковая у них структура размещения, сочетание согласных звуков с гласными, порядок чтения и т. д. Уже предварительные опыты дешифровки надписей позволяют собрать все разновидности знаков, классифицировать их и скомпоновать в «алфавитном» порядке.

Алфавит древнечувашской рунической письменности воссоздан по надписям только чувашских произведений, т. е. в него не включены знаки памятников волжских болгар, т. к. последние требуют самостоятельного исследования. Структура алфавита следующая: в первом столбце помещены буквы; во втором — фонетические значения их в латинской графике (сделано из стремления придерживаться схемы, принятой в науке); в третьем — обозначения гласных по месту распо-

ложения — впереди или после согласных; в четвертом столбце — буквы, используемые при транскрипции.

Алфавит чувашей в своей основе перекликается с принципами рунического алфавита древних тюрок, воссозданного датским ученым В. Томсенем. Отличие лишь в том, что в древнечувашском алфавите все знаки гласных звуков помещены в начале, отдельно, т. к. в надписях, особенно при их транскрипции, они занимают особое положение. В то же время знаки звонких звуков оставлены как бы в общепринятом порядке, хотя чувашский язык звонких согласных как таковых в сущности и не имеет. Включение их в алфавит вызвано трудностями определения полувзвонких. Следующий важный момент: знаки показаны в таком начертании и положении, в каком они встречаются на памятниках; их фонетические значения заимствованы с букв дешифрованных памятников Евразии, т. е. для них не изобретено какое-то иное, новое значение.

Знаки классической рунической письменности изображались в основном в угловатых начертаниях. В чувашских же надписях представлено место и овальной форме, что обусловлено не только свойствами материала письма, но и тем, что древнечувашская письменность в своем длительном развитии соприкасалась и с другими письменностями. В этом следует видеть прежде всего проявление канона, которого придерживались в прошлом народные мастера-писцы.

Надписи чувашских памятников исполнены на чувашском языке, читаются справа налево, иногда сверху вниз; не всегда, но часто согласные чередуются под влиянием предшествующих или последующих звуков. Если слово начинается гласным звуком, то знак, его обозначающий, ставится, в середине же слова — не всегда. Словоразделителя в выявленных текстах нет.

Время нанесения надписей на обнаруженных памятниках отделено от наших дней не так уж далеко: самому старому примерно 350—370 лет, что позволяет сделать наиболее точную расшифровку, т. к. чувашский язык той эпохи не так уж сильно отличался от современного. При дешифровке текстов вначале я пытался использовать алфавит «сибирских» письменностей. Однако каких-либо положительных результатов получить не смог. Многие знаки чувашских памятников, как уже отмечалось, не находят себе подобия на камнях ни Орхона, ни Енисея.

начертание	латинское значение	до или после согласных	транскрипция
ZZI+S2	а		а, а̄
XXX X	а, ä		а, а̄, е, ё
<> VA	а, и		а, ä, у
PH PИ	ö, ü		е, ё, у
PIB I	і, и, у		и, у, ы, ä, ё
25 U3	и, о		у, ä
ПЭ	j	а, е, о, и, у	й, ие
ЖА	b	а, і, ö, ü	п
УТ	9	а, о, и, у	к, х
43B	9	е, і, ä, ö, ü	к, х
>3B	d	а, о, и, у	т
7T	d	а, е, і, ö, ü	т
+x	d	а, е, і, ö, ü	т
I-	s	е, і, ä, ö, ü	с, ш, ш, ч
ΠO O O	S, š	е і ä ö ü	с, ш
Л	k	а	к
ЕЭ	k	е, і, ä	к, х
ЕЧ	k	о, ü	к
<AV>	k	у	к
++	k	а, и, ä, ü	к
ИИ	k	а	к
JLbC	i	а, о, и, у	к
YA	i		л
	i		л
2A	m		М
У	m		М
X<	n		н
□ OOO	nd, nt		нт
1	p		п
↑	r	а, е, і, ö, ü	р
Ч\	г	а, е, і, ö, ü	р
>AV>	t	а, о, и, у	р
н	t		т
XX	z		т
LYY	c	а, о, и, у	с, ш, ч

Алфавит древнечувашской рунической письменности.

Это обстоятельство натолкнуло на мысль искать хабиты и фонетические значения букв в системах письма иранских племен, араме-

ев, аланов, в письменностях Северного Кавказа, Причерноморья, дунайских и волжских болгар.

С помощью воссозданного алфавита следовало попытаться дешифровать тексты некоторых памятников.

Большой интерес представляет для изучения древнечувашской письменности надпись на детали *шулкеме* из литой меди. В 1976 г. археологической экспедицией Научно-исследовательского института ЯЛИЭ при Совете Министров Чувашской АССР под руководством проф. В. Ф. Каховского при проведении раскопок погребений XVI — XVII веков Мартыновского могильника (Козловский район, Чувашская Республика) были найдены ценные для науки предметы: надгильные камни *юта*, обломки серпов и кос, железные ножи, кинжал с костяной ручкой, перстни, пронизки, гребни, разноцветные бусы, пуговицы различных форм и т. д. и среди них деталь женского украшения шулкеме — треугольная пластинка с колечком. Знаки рунического письма с узорами на этой пластинке первоначально были признаны «родовыми знаками-тамгами»¹⁷.

Общая высота детали 40 мм, ширина у основания — 32 мм, диаметр колечка — 12 мм. На оборотной стороне сохранились кусочек толстой кожи и обрывки шелковых ниток, выкрашенных природной краской в сандаловый цвет; это говорит о том, что медная фигурка была пришита к кожаному остову (традиция изготовления женских нагрудных украшений на кожаной основе сохранялась вплоть до конца XIX века). Мастер XVII века, как показывает его произведение, был искусным ювелиром и превосходно владел литейным ремеслом. Сначала им с эскиза в зеркальном изображении были скорее всего на камне нанесены очертания предмета, рисунки узоров и букв. После этого острием специального инструмента в технике выемки выполнялась композиция, которая затем заполнялась расплавленной медью. Вынутую из каменной формы пластинку с изображениями можно было пришивать к остову украшения. Филигранно тонко и изящно исполненная композиция, символизирующая модель мира, окаймлена узким вьющимся «веревочным» узором, вышуклыми точечками и состоит из сакрального числа — пяти сфер: нижняя полностью заполнена знаками рунической письменности; во второй сетчатый треугольник — символ первогоры — разделяет на две части строку надписи; в третьей находятся маленькие сетчатые треугольники — перевернутые остриём вниз

«небесные горы»; в четвертой свободно расположилась антропоморфная фигура: пятая сфера — свод мира — представлена в виде круга-солнца.

Несмотря на малые размеры рисунка, образ, созданный художником, монументален. В нем содержатся тысячелетние традиции искусства, представления об устройстве мира, понятие народа о прекрасном. Ювелир, однако, обладал не только космогоническим миропониманием, секретами литья, незаурядным художественным вкусом, он был обучен грамоте, свободно владел рунической письменностью. Создавая произведение из металла, писец размещает письмена не где-нибудь, а на священном месте: под сводом Неба, рядом с Солнцем, вблизи антропоморфной фигуры — богини.

Следует обратить внимание на своеобразие каллиграфии надписи: по сравнению с начертаниями знаков на каменных памятниках, вышивочных «узорах письма» большинство букв на украшении выполнено в округлых формах, что вызвано, надо полагать, прежде всего размерами букв: самая крупная из них высотой 4 мм. Добиваясь изящества, миниатюрности, стремясь вместить знаки в нужные строки, мастер прибегнул к изменению их конфигураций. Тем более что сам материал формы — твердый камень — при нанесении на него мелких знаков не всегда позволял строго придерживаться их классических очертаний. Этим самым ювелир придал написанному своеобразие и красоту, а в огромный как во времени, так и в пространстве мир рунической письменности внес особую каллиграфию. Во всем этом жила еще и традиция, идущая, по-видимому, от соприкосновения письма древних чувашей с другими видами письменностей.

Кратко охарактеризовав предмет украшения как художественное произведение, обратимся к анализу самой надписи. Первый знак ее является буквой многих письменностей: аршакидской пехлеви, сибирских, болгарских, венгерских надписей. Второй и третий знаки встречаются, кроме перечисленных, также у арамейцев и древних осетин, однако фонетические значения у них не совпадают. Четвертой буквой пользовались аршакиды и создатели орхоно-енисейских памятников, имеется она у болгар и венгров, но значения у них также не одинаковы.

О пятом знаке речь уже шла. Значения шестой и четвертой букв идентичны, их разное начертание зависело от соседних знаков. Седьмая буква широко использовалась в надписях енисейских, но в орхонских ее нет. В то же время она характерна для письма древних болгар и венгров, но их писцы придавали ей иное фонетическое значение.

Первая буква второй строки имеется в енисейской, древнеболгарской, древневенгерской письменностях, хотя звуковое значение ее везде разное и нигде не связано с гласным звуком. Имеют сходство с древнечувашской буквой арамейские и древнеосетинские письмена, конфигурация которых близка к приплюснутому кресту, фонетиче-

Деталь шулкеме и ее надпись. XVII в. Медь, литье.
 Мартыновский могильник. Козловский р-н, Чувашская Республика.
 Хранится в Чувашском государственном институте
 гуманитарных наук

ское значение их А, такое же значение она имеет и в алфавите древних чувашей. Формы второго и третьего знаков идентичны, но они могли быть и квадратными, как, например, в вышивке. На енисейских памятниках встречаются оба начертания. Буквы, близкие к четвертому знаку по хабиту, но с различными значениями, имеются в енисейских, болгарских и венгерских надписях. По значению он, как и его соседи, родственен, видимо, с енисейским. Пятой букве придавали как арамеи, аршакиды, древние осетины, так и камнерезы Орхонов и Енисея, одно общее фонетическое значение. Мартыновский писец предпочел изобразить ее в перевернутом виде. Особенно ярок этот знак в вышивочных «узорах письма». 6, 7 и 8 знаки в тексте уже встречались, и говорить о них повторно нет надобности.

Мастер придерживался вековых законов и правил, закрепившихся в мире рунической письменности. Надпись читается справа налево. Вписанный треугольник делит на две части текст первой строки: правая часть состоит из трех букв, левая — из четырех. Изображение треугольника — горы — выполняет как бы двойную функцию: оно служит рисунком, связанным с мифологическим миропониманием, и в то же время является словоразделителем. Исходя из этого, при транслитерации я записал слова отдельно. Во второй строке, где гласные звуки не всегда воспроизводятся, такого слова, с многочисленными знаками, фактически не может быть. Это позволяет предположить, что вторая строка составлена из нескольких слов. При транскрибировании выяснилось: она состоит из двух слов.

Транслитерация:

nasa nks
anslustä

Транскрипция:

nasa ankäs
anasulustä
näsa ankäs
анасулуствя
сакна асан
Етсулу сана

Перевод:

это (украшение) помни
Етсулу (дарю) тебе.

По своей структуре надпись оригинальна и любопытна. Правила постановки гласных до или после согласных, применяемые в чтении, частично отличаются от методов дешифровки рунических текстов других народов. Так, например, перед второй буквой первой строки, если

бы это была надпись древнетюркская, следовало бы написать А или И. Но в чувашском тексте, т. е. в данном случае, первая буква требует смягчения. Между тем в алфавите древних чувашей буквы Ç нет, поэтому здесь я ставлю А с умляутом. Интересен знак в имени, запечатленном во второй строке. В транскрипции он озвучен буквой Е. Однако в алфавитах рунических письменностей Евразии изображения звуков ЙЕ, Е, Э отсутствуют, нет их и в алфавите древних чувашей. Вместе с тем в языке в период жизни мартыновского писца, как и в настоящее время, они существовали. Нам трудно сейчас утверждать, звали ли ту, кому посвящена надпись, «Етсулу», «Этсулу», или имя ее начиналось с йотованного звука — ЙЕ? Можем лишь предполагать, что, подчиняясь особенностям разных диалектов, вполне могли жить все эти варианты.

В рунических алфавитах отсутствует также буква Ā. Но в тексте она есть. Это обстоятельство затрудняет определение звуков, правильное их прочтение, в итоге и полную дешифровку. Разумеется, если судить по сегодняшнему представлению, писец мог обойтись без Ā, т. к. слово «асан» все равно бы читалось и слышалось почти правильно («асн»). Однако ювелир, как бы строго придерживаясь правильности речи, ставит букву на соответствующее место, в графическом изображении отличает ее от начальной буквы слова — от А, хотя в рунической письменности их фонетическое значение в большинстве случаев одинаковое.

Невозможно не обратить внимание и на образную структуру надписи. Посвящение состоит из четырех слов: «*Çакна асан. Етсулу сана*» («Это (украшение) помни. Етсулу (дарю) тебе»). Т. е. текст тесно связан с самим предметом. Даритель в своем обращении краток, мысль его выражена в разговорной форме, само шулкеме он не называет, но просит его помнить. Своеобразное сочетание слов, отсутствие сказуемого во втором предложении придают выражению особую окраску. Образ, заключенный в лаконичном, всего в четыре слова тексте, овеян теплотой, скромностью, любовью и... таинственностью. В то же время в нем есть нечто емкое, что напоминает надписи монументального искусства.

Дешифровка текста нагрудного украшения способствует, с одной стороны, выявлению способа чтения, а с другой — позволяет удостовериться в правильности фонетических значений знаков воссоздан-

ного алфавита. Произведение представляет собой лишь маленький образец древней письменности чувашей. Кроме него, как уже отмечалось, уцелел еще ряд произведений XVIII—XIX веков. Способ прочтения их надписей, кроме «узоров письма», не отличается от приемов дешифровки письма детали шулкеме.

Особое положение в мире рун занимают вышитые письменна¹⁸. (Далее даны расшифровка узора женской рубашки и рунический текст. - А. К.).

СЛОВО, СКАЗАННОЕ ОБ ИСЧЕЗНУВШЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Чувашский язык относится к древнейшим языкам и прошел огромный исторический путь как во временном, так и в пространственном отношении. В нем прослеживаются следы соприкосновений с языками древних племен и народов разных регионов Азии и Европы. Вместе с тем ему присущи и новые фонетические явления. По своей структуре, фонетике, по отсутствию звонких звуков он отличается среди тюркских языков, представляется совершенно особенным. Как ни странно и парадоксально, многие исследователи, несмотря на признание ими упомянутых особых черт, все еще продолжают заявлять, что в прошлом этот язык будто бы существовал и развивался вне письма, без графического запечатления, т. е. не имел письменной речи, а народ причислялся к бесписьменным. В русле такого отношения к истории, к культурным наследиям воспитывалось поколение за поколением. Невольно опутанная этим же воззрением и понятиями живет часть населения и сегодня. Народ, о котором столетиями твердили, что он «малый» и что ему не суждено было развивать многие стороны культуры, в том числе и письменность, не мог чувствовать себя равноправным среди других. Ложь уничижительно влияла на рост самосознания нации. Лишь в 1971 году, в связи с празднованием 100-летнего юбилея яковлевского алфавита, утвердительно было сказано, что чувашская письменность по периодам развития делится на «старую» (с 30-х годов XVIII века по 60-е годы XIX века) и «новую» (с 1871 года). На конференции, посвященной этой дате, было прочитано два доклада и о древнечувашской письменности. Первый из них в основном повествовал о чувашских родовых тамгах, имеющих сходство со знаками древнетюркской письменности, во втором приводились знаки вышивки и